
נכתב בישראל
НАПИСАНО В ИЗРАИЛЕ

Благодарю всех, кто помог
своими доброжелательными советами
в процессе создания этого романа:

Саша Гофеншефер,
Ави Гутман,
Саша Гутман,
Элла Скалинская,
Людмила Чубарова,
Малка-Либа Штерн (Яранцева).

Яша Хайн

Дорога в Абу-Кабир

роман

книга
ספר

Израиль
2024

ЯША ХАЙН

ДОРОГА В АБУ-КАБИР

Роман

Проект издательства
«КНИГА СЕФЕР»
נכתב בישראל
НАПИСАНО В ИЗРАИЛЕ

Редактор и корректор:
Малка-Либа Штерн (Яранцева)
Верстка, оформление, марка серии:
Юлия Дозорец
Издатель: *Виталий Кабаков*

Все права принадлежат автору.

В этом художественном произведении
все персонажи вымышлены, любое сходство
с реальными людьми случайно.

За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...

Марина Цветаева «Поэма Конца»

От автора

Во избежание недоразумений автор уведомляет читателей, что повествование ведётся от воображаемого лица, что эта книга не является автобиографией, и что рассказчик, даже когда история ведётся от первого лица, – это не Яша Хайн собственной персоной. Поэтому не рекомендую вдаваться в личную жизнь писателя.

Она только запутает чрезмерно любопытного читателя, прежде всего, потому что автор и рассказчик немного похожи и вращаются в одной социальной среде.

Хочу только подчеркнуть, что создатель романа не обязательно разделяет политические, национальные, философские, сексуальные и эстетические взгляды, оценки и рассуждения персонажей книги. Вдобавок, автор иногда не соглашается и с самим собой.

Большинство совпадений случайно, неслучайные совпадения происходят по причине победы непроизвольных ассоциаций вредного и неуправляемого подсознания писателя над его ответственным и рассудительным сознанием.

Возможно, в романе немного бесцеремонно повествуется об интимных радостях и невзгодах героев. Однако дружелюбный читатель должен оценить и деликатность автора, который не донимает его

стихотворениями собственного сочинения! Использование слова «оценить» в предыдущем предложении ни в коем случае не свидетельствует о пристрастии автора к деньгам или к коррупционным схемам.

Наоборот. Автор не ожидает от благодарных читателей никаких подарков, преподношений, сюрпризов и даже памятников.

Лучше на эти деньги накупить игрушек для ваших детей и внуков.

Глава 1

Смерть деда

Смерть деда поделила моё детство надвое.

Первая половина была добрая, необязательная и лёгкая, наполненная звуками детского смеха, смешанным запахом морского ила и высокого соснового леса, охранявшего песчаную кромку дюн в Юрмале, где находилась наша семейная дача. Воспоминание о тёплом песке этих дюн, струившемся между моими детскими пальцами, согревает душу и по сегодняшний день.

Вторая половина детства была отягощена серостью будней и дыханием влажного камня, которым обдавало при входе в тёмный подъезд нашего городского дома, необходимостью ходить в нелюбимую школу и осознанием того, что ты еврей, то есть испытываешь скованность и неудобство чуть ли не с первых шагов школьной и уличной жизни.

В день смерти деда меня разбудили раньше обычного. Холодная комната плавала в полутьме, в окне сквозь стеклянные разрисовки декабрьского мороза синела предрассветная ночь. Мама погладила меня по голове и сказала, что поеду на пару дней к дяде Руве, чему я очень обрадовался. Дядя Рува был маминым младшим братом и обладал добрым и весёлым характером. К тому же я дружил с его дочкой, Инной, которая была на год младше меня. Дядя Рува стоял рядом с мамой, и у него было необычно утомлённое и упрекающее выражение лица. Поначалу я не обратил на это внимание, но уже через несколько минут, стоя босиком на холодном полу, ощутил, что его лицо угнетает, – во мне проснулось чувство, похожее на нечистую

совесть, хотя ничего плохого я, конечно, ещё не успел натворить. Обуваясь, услышал за дверью шум разговоров, проникавший вместе со струёй холодного воздуха из столовой, сквозь щель между дверью и стеной.

– У нас гости? – спросил я у мамы.

– Да, дедушка плохо себя чувствует, люди пришли проведать его, – ответила мама, взяв меня за руку.

Рува, тем временем, открыл дверь в столовую, и мама повела меня следом за ним.

Комната была полна людей, соседей и родственников, которые тихо разговаривали между собой, поглядывая время от времени в сторону дивана. На диване лежал на спине мой дед, мамин отец, одетый в полосатую пижаму. Глаза – закрыты, лицо бледное и безмятежное, профиль мягкий, спокойный. Сейчас понимаю, что это был первый раз в жизни, когда я увидел мертвеца.

Тогда же я думал, что дедушка просто дремлет, у него было лицо живого, тихо спящего человека.

Ещё помню холодный, неприятный ветер, который дул из открытой настежь форточки около дивана.

В черноте окна дрожали огни уличных фонарей, и мне казалось, что ресницы деда подрагивали в такт их мерцанию.

– Обними дедушку, попрощайся, – услышал я мамин голос.

Я подошёл к деду и прикоснулся губами к его прохладной щеке. Затем глубоко вздохнул, почувствовал лёгкий запах полусгнивших листьев, которыми обычно пахнет поздняя осень, – наверное, это был запах его кожи, напоминающей рыхлый влажный грунт. Взглянул на деда ещё раз, – его невозмутимое молочно-белое фарфоровое лицо выражало глубокое спокойствие, – в отличие от тревожного шума ветра, завывавшего за окном.

– Пошли одеваться, – проговорил дядя Рува, обняв меня за плечи.

Мы вышли в переднюю, обклеенную коричневыми обоями, надели мешковатые чёрные пальто советского времени: я – маленькое чёрное пальто с детской меховой шапкой, полученной от моего старшего двоюродного брата Алика, а дядя Рува – длинное чёрное пальто с чёрной шляпой, которую он получил от своего старшего брата Изи.

Мама с папой вышли за нами из столовой в переднюю, по очереди обняли меня и снова сказали, что заберут обратно домой через несколько дней.

– Веди себя хорошо, – сказал папа, и что-то в его голосе окончательно погасило всю мою радость от предвкушения поездки к любимому дяде. Я понял, что наступил один из тех дней, когда судьба подстерегает тебя за углом, когда недовольство и страх гнетут сердце, и ты понимаешь, что мир устроен не так уж и хорошо, а скорее всего, очень даже паршиво!

Мы вместе с дядей быстро спустились по тёмной лестнице со второго этажа и открыли дверь на улицу. Дверь поддалась не сразу, но затем хрустнула, и в лицо ударил колкий мороз.

Ступени крыльца были усыпаны рыхлым снегом, сугробы подступили почти вплотную к нашему дому, а с выступов крыш домов свисали худые сосульки, отливающие при свете фонарей желтоватой синевой. Дядина машина стояла недалеко, около городского канала, в котором отражались зыбкие тени деревьев, шевелившихся под ветром.

Ночь была сизая, тонкие тучи, как голубиные перья расплывались по небу вокруг желтоватой ледяной луны.

– Хорошо, что ты попрощался с дедушкой, – вдруг сказал дядя Рува.

– Может, он ещё поправится?

– Не думаю, он очень болен, – дрогнувшим голосом ответил дядя, и я снова почувствовал, что это тот самый день, который никогда не смогу забыть, день, тень которого ляжет на всю мою будущую жизнь. Но

это было лишь начало дня, который впоследствии оказался таким удручающим и непредсказуемым.

Мы ехали в дядиной машине в полном молчании, каждый думая о своём. Судя по хмурому выражению лица дяди Рувы, ничего весёлого у него в голове не происходило. У взрослых, как я заметил, существуют две крайности: или мир совершенен, и тогда у них прекрасное настроение, они смеются, хвалят детей и делают им подарки, или наоборот – жизнь ужасна, тяжела, и в этом виноват весь свет, только не они. В такие неприятные моменты желательно не попадаться на глаза взрослым, – они могут и оплеуху отвесить, и наказать ни за что. Огромное расстояние между совершенным и ужасным мирами взрослые могут преодолеть за несколько мгновений, – всё зависит от внешних факторов, к которым мы, дети, иногда также бываем причастны.

В общем, в день смерти моего деда настроение у взрослых было настолько противное, что даже добрый дядя Рува был кислым и несчастным. Теперь я понимаю, что он, очевидно, очень любил своего отца, то есть моего дедушку. Я же думал о том, что машина дяди новее нашей, квартира получше, и их дочка Инна получает больше похвал от родителей, чем я.

Моим основным источником похвал был дед, который научил меня читать и считать, когда мне было всего три года. С тех пор он при каждом удобном случае превозносил мои способности, сообщая всем соседям и родственникам, что молодой гений скоро завоюет весь мир. Похвалы деда вместе с поддакиванием знакомых, которые не осмеливались перечить ему, окрашивали детство в розовые краски и вызывали честолюбивые порывы к совершенству. Я искренне, всей душой, стремился к добру, слушался родителей и усердно тренировался в арифметике и чтении сказок Андерсена. Теперь же, предполагая уход дедушки в другой мир, я ощутил неуверенность и страх перед ожидающими

меня испытаниями, страх, что не смогу достойно вести себя в жестоком детском мире.

Говоря о жестоком детском мире, я, конечно, имею в виду нелюбимую школу и улицу, – но об этом позже...

Приехав к дяде, я получил милостивое разрешение его жены, тёти Эллы, залезть в постель спящей двоюродной сестры Инны. Такое нам с сестричкой разрешалось не часто, но это был необычный день. Дядя Рува сказал, что я могу пропустить школу из-за особых семейных обстоятельств, обнял меня и пробормотал, что едет обратно к дедушке. Я же быстро разделся, скользнул под тёплое одеяло сестры и перед тем, как провалиться в глубокий сон, ещё успел ощутить шелковистую, гладкую ткань её пижамы.

Проснулись мы поздно, часов в десять. Тётя приготовила на завтрак тосты, яйца и чай, и мы принялись за еду, разговаривая о разных глупостях, которые заполняют головы детей в 9–10 лет.

Потом разговор пошёл о дедушке, и тут мы чуть было не поссорились, так как сестра сказала, что это не страшно, если дедушка скоро умрёт, потому что у нас остаётся ещё много живых членов семьи. Я рассердился и выкрикнул, что она так говорит, потому что у неё есть ещё один дедушка и одна бабушка, то есть родители её матери, а у меня это единственный дед, – и это была совершеннейшая правда, потому что родители моего отца и его маленькая сестричка погибли в гетто во время войны[1], а мамина мама умерла совсем молодой ещё до войны. Потом мы помирились, но настроение у меня всё же было испорчено. Я засел в комнате у сестры и начал читать Жюль Верна «Дети капитана Гранта», – книгу, которую однажды уже начинал, но бросил. На этот раз, с замиранием сердца, я следил за тем, как Гленарван и его спутники пытались расшифровать документ, составленный капитаном Грантом.

[1] Вторая мировая война.

Этот выдуманный мир был такой живой и интересный, что я позабыл о невзгодах моей настоящей жизни. Увлекшись книгой, я и не заметил, как пролетело полдня, пока дядя Рува не вернулся. Лицо у него было несчастное и разом вернуло меня в подлинную жизнь. На мой вопросительный взгляд он выпалил на одном дыхании:

– Дедушка умер, мы его похоронили.

Слёзы навернулись на глаза, но не хотелось, чтобы меня увидели плачущим. Я схватил пальто, висевшее в прихожей, наскоро обулся и выскочил из дома, прокричав в дверях, что иду на тренировку по гимнастике. У меня действительно была тренировка в тот день, но я уцепился за эту соломинку только для того, чтобы удрать ото всех и побыть одному.

Выйдя, я увидел, что сугробы и покрытые снегом тяжёлые ёлочные ветви были залиты послеобеденным солнцем, снежинки блестели, как чистейшей воды бриллианты. Башни соборов старой Риги, полузамёрзший городской канал, белые деревья и кусты – всё глядело на меня, дышало свежестью и сияло, но не радовало, было чужим и неприятным. Захотелось убежать от живой природы, в которой больше не было места моему дедушке, и я начал бежать, бежать без передышки, пока не остановился из-за того, что не мог уже больше дышать. Сердце стучало так громко и часто, как молотят мощные пневматические дрели, вспарывающие асфальт для прокладки труб или кабелей. Я обнаружил, что нахожусь около спортивного зала, где занимался гимнастикой, – наверное судьба привела меня туда собственной рукой.

Из двери здания выбежал мальчик и, резко остановившись, окликнул меня по имени. Это был Серёжа Бондаренко или Бондарь, как все его называли. Бондарь был моим приятелем в школе и на гимнастике. Мне казалось, что он привязался ко мне из-за моих успехов в школе и спортзале, – в этом я был лучше

всех, наверное, благодаря усилиям дедушки, и из-за генетики отца, который был очень силён физически. Я же любил Бондаря за его смелость, нечувствительность к опасностям и обидам, близкое знакомство с практическими деталями жизни, о которой мне было мало известно. Он умел правильно пользоваться деньгами и товарами, был знаком с продавцами, милиционерами и уличными пьяницами. Я любил Бондаря за его наглое умение жить и быть таким мальчиком, которому побои в школе и дома не причиняли боли, а били его, особенно дома, часто, беспричинно и беспощадно. Родители Бондаря были люди тяжёлой судьбы. Отец, фронтовик-инвалид без одной ноги, и мать – повариха в маленьком, грязном грузинском ресторане, часто напивались и лупили Бондаря, вымещая на нем злость на неблагодарное советское государство, лишившее их достойного, человеческого существования.

Бондарь был из тех пацанов, которые знали всю подноготную уличной жизни и дружили с нужными людьми, к которым можно было всегда обратиться за помощью и советом. После очередных побоев Бондарь часто грозился убежать из дому и примкнуть к какой-нибудь уличной шайке, – однако его угрозы не оказывали никакого впечатления на его несчастных и обозленных родителей. Вместе с тем им нравилась наша с Бондарем дружба, – наверное, потому что я был из благополучной семьи, да и учился лучше всех. Я же считал, что Бондарь, несмотря на его ужасную семью, занимает в мире более твёрдое положение. Он был взрослее меня, смеялся над выражениями и шутками, которых я не знал и не понимал, и входил в мир взрослых без всяких затруднений. Да, и самое главное, – Бондарь был украинцем, а не евреем, то есть не должен был испытывать неловкость и стеснение из-за своей национальности.

Но в тот злосчастный день смерти деда, к моменту встречи с Бондарем, я был уже нервным и злым, а также хотел предаваться своему горю в полном одиноче-

стве. Так что Бондарь не мог появиться передо мной в более неподходящий момент.

– Где ты был? – спросил Бондарь.

– Нигде, у меня дед умер сегодня.

– Мой дед давно умер. А тренер спрашивал о тебе. Такой противный этот тренер, всюду свой нос суёт. Я думаю, что он еврей, жидовская у него рожа, да и фамилия странная – Хавкин.

Наступила пауза. Мы никогда раньше не говорили о евреях, и Бондарь, наверное, был уверен, что я русский и с радостью поддержу общую для детей тему жадных и вонючих жидов. Я почувствовал, как холод пробрал всё моё нутро, и задрожали губы, но старался дышать как ни в чём не бывало. Бондарь не должен был видеть, что мне не хватает воздуха. Я ненавидел его и ненавидел себя за то, что сразу не сказал ему, что я тоже еврей.

Повернувшись к нему спиной, я быстро зашагал прочь от спортзала. Бондарь догнал меня и пошёл рядом.

– Оставь меня, хочу идти один, – процедил я сквозь зубы, но Бондарь продолжал идти рядом, не отставая ни на шаг.

Внезапно я остановился, повернулся и кинул ему в лицо:

– Ну и сволочь же ты.

Затем выбросил правый кулак по направлению к лицу Бондаря и ощутил, как его нос поддаётся под моим ударом. Кровь хлынула из курносого носа, он на мгновение опешил, но затем вернул мне увесистую оплеуху. Мы сцепились и принялись лупить друг друга, нанося удары в лицо и в живот, распалились и дрались яростно, как заядлые враги. Я был сильнее и бросал его раз за разом на землю, но он не сдавался, вскакивая, вновь и вновь продолжая драку. Обливаясь потом и кровью, мы ещё долго продолжали бить, рвать, бороться и душить, оскорбляя и унижая друг

друга словами, которые становились всё более горячими, глупыми и злыми, – но слова жид или еврей не были брошены в воздух. Думаю, что Бондарь так и не понял, из-за чего я начал драку.

Сейчас я не могу восстановить в памяти точный конец нашей битвы. Кажется, какой-то взрослый и сильный мужчина разнял нас.

Очнулся я в темноте, узнал улицу и здания в окрестностях дома дяди Рувы.

Боевой заряд медленно угасал, и действительность стала по частям пробиваться в мозг, – сперва только через глаза. Вот и мост через городской канал, парк с заснеженными ёлками.

Солоноватый вкус крови во рту, разорванная одежда, сбившиеся носки, боль в пальцах и горение левого уха, – всё приходило мало-помалу, становилось действительностью и ложилось на мои плечи тяжёлой ношей. Я вдруг почувствовал, как дрожат мои колени и руки, понял, что очень устал. Наконец возник и дом, в котором жил дядя Рува, и я понял, что там прибежище, свет, мир и любовь. Со вздохом облегчения толкнул высокую входную дверь, и вместе с запахом камня, характерного для всех рижских подъездов, на меня накатили воспоминания о прошедшем дне, смерти деда и драке с Бондарем. Я не видел выхода из случившегося, просто дышал холодным воздухом одиночества и отчаяния без планов на будущее. Цепляясь за перила, медленно поднялся на третий этаж и позвонил в дверь квартиры. Было около девяти часов вечера, никогда без спросу я не возвращался домой так поздно.

Дядя Рува открыл дверь и в испуге застыл, увидев моё окровавленное лицо и грязную изодранную одежду.

– Слава Богу, появился! – воскликнул он.

– Ты что, подрался? – продолжил дядя, но я, не отвечая, прошёл в столовую, почувствовав на себе взгляды тёти и моей двоюродной сестры. Затем, ничего не

спрашивая, тётя помогла мне помыться, налепила пластыри и накормила. Сочувствие и семейное тепло окружали меня, я сидел молча и думал, как я люблю за это молчание дядю Руву и его семью.

Затем меня отправили спать, но я долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок. Через некоторое время дверь приоткрылась, и дядя спросил меня, не входя в комнату:

– Не спишь? Позвонила только что мама, говорит, что родители Серёжи Бондаренко волнуются, он не вернулся домой с тренировки. Ты его случайно не видел сегодня?

– Нет, – ответил я, сгорая в темноте от стыда.

Бондарь не вернулся домой ни в тот вечер, ни в последующие дни. Его искали во всех возможных местах, в которых ищут пропавших без вести детей, – но всё безрезультатно, Бондарь пропал, исчез, испарился, как дым. На следующий день после его пропажи в квартиру дяди Рувы заявился усатый милиционер, который расспрашивал меня про Бондаря, а также про мои синяки и царапины, – но я легко от него отвязался, сказав, что подрался в парке с незнакомым мальчишкой.

Он быстро отстал от меня, и я ещё тогда подумал, что если все следователи так допрашивают подозреваемых, то не удивительно, что по улицам Риги по вечерам шатается так много подозрительных типов.

Так я потерял в один день своего единственного деда и своего единственного друга. Я продолжал ходить в ненавистную мне школу ещё два года, пока не перешёл в другую, в которой жизнь совершенно поменялась. Но об этом – позже...

Что касается Бондаря, то я почему-то уверен, что он жив и не утонул ни в городском канале, ни в реке Даугаве и ни в Балтийском море – это все основные близкие водоёмы, в которых обычно тонут пьяницы и дети. Скорее всего, он находится очень далеко и живёт себе

там без побоев родителей. Хотя он для меня и потерялся, но, может быть, я его ещё найду, вытяну к себе за тонкую нить, которая нас связывала. Когда перед сном я закрываю глаза, то иногда представляю, как возвращаю его, держу в своих объятиях и не отпускаю, – и мы снова становимся друзьями. Я также уверен, что перед тем, как пропасть, он меня полностью простил, – полнее, чем я его.

Глава 2

Арест

В субботу вечером в небольшом офисе Комиссии по контролю ценных бумаг в Израиле собралось на экстренное совещание несколько человек: Саар – начальник департамента Комиссии, Гиль – следователь по особо важным делам Комиссии и Ронит из отдела международных расследований прокуратуры Тель-Авива. Совещание было тайным настолько, что всё обсуждение велось тихими голосами, чтобы никакая информация не просочилась во внешний мир.

Основной темой совещания было принятие решения о времени ареста руководителей крупнейшей корпорации страны YDAN по подозрению в коррупционной деятельности, связанной с известным международным поставщиком индустриального оборудования.

– У нас есть сведения, что некоторые руководители YDAN могут в ближайшие дни выехать за границу, – доложил Гиль остальным участникам совещания.

– Откуда такие данные? Вы в этом уверены? – спросила Ронит.

– Мы прослушиваем все их телефонные беседы. Создалось ощущение, что некоторые подозреваемые чувствуют наш надзор. Особенно Ян, вице-президент корпорации, ведёт себя подозрительно. Два дня назад купил билеты на самолёт в Рим, якобы в отпуск на конец недели, потом отменил поездку. Я уже рассказал Саару об этом, – ответил Гиль.

– Да, Ян наверняка чувствует, что мы сели ему на хвост. Впрочем, мы этого не скрываем, почти в открытую следуем за ним, куда бы он ни двинулся. Пусть

понервничает, может, грубые ошибки начнёт делать, – продолжил Саар.

– Но, с другой стороны, вы даёте ему время подготовиться к аресту, а может, даже удрать за границу. Сейчас этого допустить нельзя, – достаточно дров наломали в прошлом, ещё одной промашки в этом деле нам не простят, – обеспокоенно проговорила Ронит.

Атмосфера в комнате сгустилась. Некоторое время никто не произносил ни слова. Стояла абсолютная тишина, но все молчали по разным причинам: Саар был молчалив и рассудителен от природы, Гиль на этот раз тщательно обдумывал свои следующие слова, а Ронит просто ожидала реакции следователей после того, как бросила очередную бомбочку в сторону коллег. Она всегда выделялась своей способностью обнаруживать слабые стороны в аргументах сослуживцев и наслаждалась их замешательством и неловкостью после того, как ловила их.

– Не думаю, что Ян скроется за границей на длительное время. Он хороший семьянин, любит детей и не захочет погубить их будущее. Мы изучили его характер и уверены, что он не решится на такой шаг. К тому же нам ещё требуется время для завершения расследования в Германии и Швейцарии. Мы ожидаем, что Ян начнёт делать глупости, попытается связаться со своими партнёрами и предоставит нам дополнительные улики. Честно говоря, у нас недостаточно доказательств его вины, всё дело основано на показаниях государственного свидетеля, – сказал Гиль.

– Насколько мы знаем, у Яна не было партнёров: никто из подозреваемых руководителей YDAN не предполагал, что кроме него самого ещё кто-либо помогает поставщикам оборудования. Все работали абсолютно дискретно и в одиночку. Так они всегда действуют – международные корпорации, и система их функционирует совсем неплохо, – покачал головой Саар.

– Как они работали в расследуемом случае, пока неизвестно. Видимо мне, согласно должности, этого не положено знать. Хотел бы подчеркнуть, что все наши сведения базируются на рассказах такого ненадежного источника, как государственный свидетель. Может, у того, кто повыше рангом, больше информации, – ответил Гиль, недовольный тем, что начальник противоречит ему в присутствии прокурора. Поэтому и постарался подчеркнуть границы своей осведомлённости и ответственности.

Ронит с трудом сдерживалась, чтобы не выдать своё наслаждение от диалога следователей, даже прикрыла лицо рукой, чтобы никто не увидел улыбки. Затем выдержала подобающую паузу и вкрадчиво спросила:

– То есть конкретных, документально обоснованных данных у вас не собрано? Что же вы собираетесь делать для продолжения расследования? Нахально следить за подозреваемыми, чтобы напугать их?

Саар, вытащив из кармана небольшой потёртый блокнот, неторопливо стал листать его.

Выражение его лица было сдержанно, лишь морщины у переносицы свидетельствовали о том, что он, очевидно, пытается припомнить что-то, шаря на дне своей памяти. Затем начальник департамента медленно произнёс:

– Ронит, вы и ваше начальство прекрасно осведомлены о ходе расследования с самого его начала.

Все наши шаги были согласованы с прокуратурой, и ваш сарказм сейчас не к месту. С другой стороны, я вижу, – тут Саар взглянул на свой открытый блокнот, – что у нас немало данных о финансовых операциях подозреваемых. Конечно, не всё в полученной информации прозрачно, но, если прижать их пожёстче на следствии, – они нам всё сами расскажут. Опыта поведения на допросах у них нет, и я уверен, что большинство из них расколется очень быстро. Заодно и поведают нам

всё, что знают о других руководителях. Особой любви, как я понимаю, они друг к другу не питают.

– А ты, дружище, не обижайся, – затем обратился Саар к Гилю. – Мы же коллеги, обдумываем все детали следствия между собой и вместе с прокуратурой. Нет ничего лучше открытой дискуссии, и от Ронит у нас секретов нет. Не так ли?

– Да, конечно, – буркнул сквозь зубы Гиль. Видно было, что он ещё не успокоился, но старался держать эмоции при себе, как и подобало опытному следователю. Гиль был на хорошем счету в Комиссии и считался самым вероятным преемником Саара. Вместе с тем, его основным недостатком была чрезмерная чувствительность к критике.

Ронит, слушая доводы Саара, выпрямила спину, взгляд упёрся в невидимую точку поверх его головы, на лице появилось выражение тревоги.

– У нас мало времени, слишком мало времени. Надо задерживать всех подозреваемых, пока они не сговорились между собой и не уничтожили улики. Я могу получить разрешение судьи на арест уже сегодня ночью, а завтра, рано утром, застанем их врасплох. Сумеете собрать достаточно людей до утра? Надо всех брать одновременно, – выпалила Ронит.

Гиль с Сааром переглянулись, Гиль только покачал головой, а Саар встал со стула и принялся в раздумье расхаживать медленным шагом от стены к стене. Затем остановился напротив Ронит и проговорил:

– Если прокуратура считает, что настало время всех арестовывать, мы упрямиться не станем. Надо будет, конечно, немедленно согласовать это с нашим руководством. Проблем не будет. Утром я проинструктирую пресс-секретаря, чтобы в газетах правильно осветили наши действия.

Потом он повернулся к своему коллеге и спросил:

– Как ты думаешь, Гиль – справимся?

Гиль покраснел, выдержал паузу, затем ответил:

– Можете быть спокойны. Проведём операцию безупречно. Мы же профессионалы. К тому же сопротивления не ожидается, они люди пожилые, без опыта предыдущих арестов.

– Хорошо, я и не сомневался. Гиль, ты со своей командой поезжай брать Яна, он нас больше всех интересует. Только поосторожнее, он недавно из больницы вышел, возьмите с собой врача подходящего, – продолжил Саар.

– Отлично. Уверена, что мы приняли правильное решение. Прижмём их на следствии с самого начала, как выразился Саар, и они нам всё сами расскажут. Я немедленно обращусь к судье для получения санкций на аресты, а вы, друзья мои, мобилизовывайте людей. Я через полчаса подготовлю краткий протокол нашего совещания и пошлю всем, кому следует. Удачи вам, будем на связи в течение всей операции, – заключила Ронит.

Все расходились не спеша, но и не мешкая, времени у них было ровно столько, сколько требуется для выполнения работы. Однако выражения лиц у всех троих были разными: у Ронит на лице была написана решительность, у Саара удовлетворение и даже некая радость. Только Гиль уходил разочарованный.

* * *

Звонок интеркома в полшестого утра был коротким, но противным. Произошло это в конце декабря 2XXX года, в воскресенье, в первый рабочий день еврейской недели. Ян всегда недолюбливал начало недели, а тут ещё и этот предрассветный звонок. Нащупав очки на тумбочке, он аккуратно надел их, поднялся с кровати и направился к дверям, мысленно проклиная дебила, который по ошибке позвонил в столь ранний час в их квартиру.

Подойдя к двери, Ян взял трубку интеркома и коротко спросил:

– Кто это?

Приятный мужской голос ответил:

– Гиль из Комиссии по контролю ценных бумаг. Ян, откройте нам входную дверь.

– Откуда, простите? – не понял Ян.

– Мы из ККЦБ, откройте, мы вам всё объясним.

Неприятный холодок пробрался Яну в область грудной клетки. Сочетание букв КК моментально и естественно ассоциировалось с дерьмом, а буквы КЦБ напомнили бывшему гражданину СССР такие недружелюбные организации как ЦК и КГБ с их внушительным карательным аппаратом. Правда, для сочетания КГБ, не хватало только буквы Г, но вскоре и она появится в нашем повествовании.

«Вот чёрт, вляпался», – подумал Ян, нажимая на кнопку интеркома.

Настроение у него стало скверное, вспомнилась вчерашняя телевизионная передача, в которой показывали, как полиция брутально вламывается в пять утра в дом чиновника, подозреваемого в коррупции, будит жену и детей, переворачивает всю квартиру и забирает компьютеры и личные бумаги.

К тому же, в последние месяцы он чувствовал, что за ним следят: подозрительно часто у него отключался телефон, или по ошибке звонили незнакомые люди. Вдобавок казалось, что за ним постоянно кто-то ходит точно в таком же темпе, как и он, – то есть держится на определённом расстоянии, не догоняет и не отстаёт.

Слежка действовала ему на нервы, и он даже купил билеты на уикэнд в Рим, чтобы немного развеяться, заняться шопингом, погулять по музеям и забыть о своих неприятностях в Израиле, но потом передумал и остался дома.

«С другой стороны, можно сказать, что повезло», – подумал Ян.

Во-первых, детей и жены дома не было, что уменьшало трение и количество неприятных контактов с

представителями власти. Во-вторых, Гиль представился работником какой-то комиссии, а не полицейским, что звучало душевнее, хоть и нагоняло ноющую прохладу, распространившуюся уже из области груди в желудок и печень.

Ян стоял у входной двери в трусах и серой футболке фирмы BOSS. Он обожал фирму BOSS за качество её рубашек и костюмов, а также, втайне, за то, что короткое слово босс, написанное маленькими буквами на английском языке, соответствовало его высокому служебному и материальному положению.

В дверь постучали, и взору нашего героя явились четыре представителя закона, среди которых была одна стройная женщина, двое мужчин в чёрных пальто, костюмах и галстуках, а также тучный, неопрятный дядя с коричневым чемоданчиком в руке.

Настроение у Яна вконец испортилось, когда он сообразил, что стоит в трусах перед молодой привлекательной женщиной и что, по всей вероятности, эти ребята ничего не спутали, а просто пришли с утра пораньше нагадить ему в душу и перевернуть вверх дном всё содержимое его жилья.

«Интересно, начнут допрос с пристрастием, с применением силы, или всё пройдёт цивилизованно?» – мельком подумал Ян, но вслух обратился к четвёрке с другим вопросом:

– Одеться позволите, а то в трусах как-то неудобно знакомиться?

– Да, конечно, – ответил высокий, приятной внешности парень лет тридцати пяти, который был, очевидно, у них за главного.

Ян прошёл в спальню, надел тренировочный костюм и вернулся в салон, где его ожидала уже ненавистная ему четвёрка. Высокий тип держал в руках бумагу и серьёзным тоном объявил Яну, что по постановлению суда они имеют право на обыск в его квартире. После этого парень представил себя и своих коллег:

– Я Гиль, а это Гали, – кивнул он в сторону красивой девушки с длинными ногами, – а также Гур, – мы все трое – следователи Комиссии по контролю ценных бумаг.

Гур был коренастым смуглым парнем с гладко выбритым лицом и острым взглядом беспощадного экзекутора.

«Ну и команда, трипл Г», – подумал Ян, надел на лицо маску заинтересованности и осведомился:

– А это что за господин? – и кивнул в сторону дяди с чемоданом, который бесцеремонно уселся на диване, положив свою ношу на колени. Дяде было около 60, он был невысок, лысоват и, очевидно, обладал индексом BMI, который приближался к тридцати, означавшим, что для улучшения качества жизни он должен скинуть около десяти-пятнадцати килограммов.

– Это доктор, его зовут Гена, – произнёс Гиль.

«Что за ужас такой, они специально подобрали всех с именами, которые начинаются на букву гэ», – пронеслось в голове Яна.

Ян был немного суеверен и то, что буква гэ так мощно присутствовала в именах всех представителей власти, показалось ему плохим знаком.

«Если расчленить моё тело на кусочки, – удастся ли им всё запихнуть в чемодан, или пара кусков останется?» – этот вопрос занимал Яна всего несколько секунд, так как доктор Гена открыл чемоданчик. В нем находилось большое количество лекарств, ампул, разных медицинских приборов и принадлежностей, включая шприцы.

«Может, они принесли сыворотку правды и сейчас пытать начнут?» – посмеялся про себя Ян, но ход его мыслей был прерван мягким голосом Гиля:

– Мы, с вашего разрешения, начнём обыск.

– Начинайте, – пробурчал Ян.

Обыск продолжался часа полтора, и всё это время Ян мысленно хвалил следователей, отмечая их веж-

ливую и профессиональную работу, в противоположность действиям полиции во вчерашней телевизионной передаче. Работники ККЦБ, конечно, разбросали вещи, обыскивая весь дом в поисках улик, но зато ничего не разбили и не запачкали.

«Ну, конечно, телевидение и пресса искажают действительность, им только сенсации подавай», – подумал Ян, поглядывая на заголовки вчерашней газеты, полной подробностей о нашумевшей истории разоблачения представителей партии XXX в коррупционных махинациях.

«Интересно, суда ещё не было, а их уже разоблачили и засудили», – мысленно ухмыльнулся Ян.

Остальные заголовки газеты были не лучше: непорядки в предварительных выборах в муниципальные органы, забастовка учеников, обвинения во взяточничестве представителей парламента, пара убийств, битвы на Украине и резня невинных женщин и детей в Нигерии.

Пробежав глазами статьи, полные ядовитых оценок журналистов, мало проверенных фактов и, зачастую, грубых манипуляций действительностью, Ян почувствовал лёгкую тошноту.

«Вот она цена демократии – вся жизнь нараспашку и безжалостно критикуется всеми, кому не лень. А завтра и обо мне так напишут», – с грустной иронией подумал он. Его догадка была небезосновательна, – Ян занимал должность вице-президента одной из самых больших и влиятельных компаний в стране и, без сомнения, представлял собой лакомый кусочек для средств массовой информации.

Тем временем ребята из комиссии продолжали своё дело, а доктор Гена явно скучал.

– Кофейку не хотите? – спросил доктора Ян. – Я лично хочу позавтракать, мне скоро на работу ехать.

Доктор отрицательно покачал головой, а интеллигентный Гиль вдруг вмешался:

– Я вам рекомендую, Ян, отменить сегодня все ваши встречи на работе.

В голосе следователя появилась новая, стальная нотка, вызвавшая вкус горечи во рту вице-президента.

Ян внезапно ощутил, что государство шутить не собирается, что его надежды на то, что после безрезультатного обыска четверо представителей власти сгинут с его глаз, беспочвенны и наивны. Более того, – он интуитивно понял, что в глазах следователей давно является виноватым, и в скором времени эти серьёзные и молчаливые люди будут тыкать ему в лицо неприятными для него фактами, а он, в свою очередь, будет усиленно отбрыкиваться, пытаясь от этих фактов отмежеваться. Было, конечно, немного обидно, что государство, за которое он много раз воевал, а затем в мирное время платил сумасшедшие налоги, это самое его государство сейчас обернулось против него. Однако делать было нечего, и Ян решил испробовать своё старое нержавеющее оружие: сменить манеры добропорядочного гражданина на образ ироничного и уверенного в себе начальника, излучающего непобедимый сарказм.

– Доктор, вы выглядите уставшим. Может, всё-таки кофейку выпьете или таблеточку возьмёте из вашего чемоданчика – для бодрости? Или, ещё лучше, – укольчик, для встряски ума и тела, – ехидно улыбаясь, проговорил вице-президент.

Доктор ошарашенно выпучил глаза и инстинктивно закрыл свой чемодан. Затем проговорил:

– Я с трёх часов ночи не сплю. И вообще – у меня сегодня день рождения, шестидесятилетие, – немного торжественно закончил он, очевидно, ожидая поздравлений со стороны Яна.

«Так что же ты со своей лысиной и животом делаешь у меня в квартире в свой день рождения, что ж ты губишь жизнь в этом чёртовом ККЦБ?!» – мысленно возмутился Ян, но вслух произнёс:

– Так давайте выпьем за ваше здоровье, доктор, у меня хорошее шампанское есть.

Симпатичная Гали, сидевшая за столом неподалеку и разбиравшая разные бумаги, которые она принесла из рабочего кабинета вице-президента, подняла голову и улыбнулась, услышав предложение Яна. В воображении Яна моментально создался видеоклип, – зелёная лужайка в сосновом лесу, на ней крупным планом расшитая красными цветами скатерть для пикника, на которой горами лежат французские сыры и стоят бутылки шампанского.

Камера немного отдаляется от скатерти и, как бы подглядывая из-за деревьев, высвечивает Яна и Гали, пьющих из высоких бокалов на брудершафт. Затем Гали впивается своими сочными губами в губы Яна и опрокидывает его на скатерть. «Сыры бы не раздавить», – мелькает в голове Яна неуместная мыслишка, но она прерывается негромким, но внушительным голосом Гиля:

– Ян, вы должны последовать с нами в офис ККЦБ для продолжения расследования. Можете посмотреть на постановление суда о вашем аресте.

С этими словами Гиль вытащил ещё одну бумагу из своего чёрного портфеля, подошёл к Яну и вручил ему ордер на арест.

– С адвокатом могу посоветоваться? – спросил Ян.

– Нет, по закону сможете связаться с адвокатом только из нашего офиса. Но ваш арест уже в силе, – нахмурившись, ответил следователь.

Услышав второй раз в течение одной минуты роковое слово арест, Ян почувствовал уже знакомый ему с утра холодок в груди, но на этот раз ему вдобавок обдало морозом лицо и свело судорогой рот. Вице-президент обвёл взглядом всех представителей власти, не понимая, как это он всего минуту назад в мечтах целовался с Гали, а сейчас на него с подозрением смотрит экзекутор Гур, которого наверняка в этот момент